

DOI: 10.31312/2310-6085-2024-19-3-7-27

УДК 316.48, 323.28

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: MODUS OPERANDI (НА ПРИМЕРЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ)

Д. А. Абгаджав, М. С. Гусева

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены образы действий и взаимоотношения между тоталитарным политическим режимом на примере гитлеровской Германии и оппозиции на примере Немецкого сопротивления. Главной отличительной чертой политического режима определяется направленность на контроль за функционированием политического сообщества при помощи ряда властных структур. Именно они задают вектор развития внутренней и внешней политики государства, его идеологию. Самыми известными политическими режимами являются демократический, авторитарный и тоталитарный. В первых двух оппозиция и сопротивление могут существовать и даже вести определённую деятельность, в третьем же случае любое инакомыслие, выражающееся даже самым мирным образом, насильственно пресекается. Диктатура обнаруживает себя именно в тоталитарном режиме. При рассмотрении гитлеровской диктатуры и идеологии национал-социализма выделяется их насильственная политика не только вне, но и внутри государства. Начиная с 1938 года прослеживается радикализация действий немецкого сопротивления, вследствие чего оно также принимает насильственный характер и к 1944 году практически все группы заговорщиков соглашались с необходимостью физического устранения фюрера. Во многом на радикализацию деятельности немецкого сопротивления повлияла неграмотная внешняя и внутренняя политика Адольфа Гитлера, в частности, поражения на фронтах Второй Мировой войны и разочарование в фюрере как политике и военачальнике. После событий 20 июля 1944 года диктаторский режим истребил практически всё немецкое сопротивление, а вместе с ним и многих непричастных и оговорённых лиц. Иными словами, национал-социализм и заложенная в нём животная тяга к насилию привели Германию к катастрофе, в которой правящий режим принялся уничтожать собственный народ.

Ключевые слова: политический режим, оппозиция, Немецкое Сопротивление, гитлеровская Германия, заговор 20 июля, Штауффенберг.

Благодарность: Статья опубликована при финансовой поддержке АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов».

Статья поступила в редакцию 04.09.2024; принята к публикации 25.10.2024.

- © **Абгаджав** **Даур Арнольдович** — кандидат социологических наук, доцент кафедры конфликтологии, Санкт-Петербургский государственный университет, d.abgadzhaveva@spbu.ru
- © **Гусева Мария Сергеевна** — студентка 3 курса факультета конфликтологии, Санкт-Петербургский государственный университет, st109897@student.spbu.ru
-

POLITICAL REGIME AND RESISTANCE: MODUS OPERANDI (ON THE EXAMPLE OF HITLERITE GERMANY)

D. A. Abgadzhaveva, M. S. Guseva

Saint Petersburg State University (SPbU), St. Petersburg, 199034, Russian Federation

---

Abstract: The article considers the patterns of action and relationships between the totalitarian political regime on the example of Hitler's Germany and the opposition on the example of the German Resistance. The main distinctive feature of the political regime is determined by the focus on control over the functioning of the political community by means of a number of power structures. They have the ability to set the vector of development of domestic and foreign policy of the state and its ideology. The most well-known political regimes are democratic, authoritarian and totalitarian. In the first two, opposition and resistance can exist and even carry out certain activities, while in the third case, any dissent, expressed even in the most peaceful way, is forcibly suppressed. It is in a totalitarian regime that dictatorship reveals itself. When considering Hitler's dictatorship and the ideology of National Socialism, their violent policy not only outside but also inside the state stands out. Since 1938 radicalization of actions of German resistance is traced, as a consequence of which it also takes violent character and by 1944 practically all groups of conspirators agree with necessity of physical elimination of the Fuhrer. To a large extent, the radicalization of German resistance activities was influenced by Adolf Hitler's illiterate foreign and domestic policies, particularly defeats on the fronts of World War II and disillusionment with the Fuhrer as a politician and military leader. After the events of July 20, 1944 the dictatorial regime exterminated virtually the entire German resistance and many uninvolved and stipulated individuals as well. In other words, National Socialism and its inherent animal craving for violence led Germany to a catastrophe in which the ruling regime began to destroy its own people.

Keywords: political regime, opposition, German resistance, Hitlerite Germany, July 20 plot, Stauffenberg.

Acknowledgments: The article was published with the financial support of ANO DPO "Institute for Peace and Conflict Research".

Received September 04, 2024; in final form October 25, 2024.

- © **Daur A. Abgadzava** — Cand. Sci. (Sociological Sciences), associate professor, Department of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, d.abgadzava@spbu.ru
- © **Maria S. Guseva** — 3th year student, Department of Conflictology, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, st109897@student.spbu.ru
-

Теоретико-методологическая основа анализа

Modus operandi или образ действия — это распространённое в криминалистике выражение, используемое для изображения типичного способа поведения конкретного преступника в момент совершения преступления. Символично, что подобное словосочетание применимо и к политической сфере, в которой использование насилия в разных его проявлениях — естественное и ожидаемое явление. В представленной статье внимание будет обращено к одному из самых кровавых политических режимов — гитлеровской диктатуре, и её идейному оппоненту — немецкому сопротивлению. При рассмотрении образа действий каждой из сторон конфликта будут представлены условия, в которых сторонам приходилось функционировать, и определено, в чём заключалась специфика их взаимодействия.

Ключевым условием, определяющим формат взаимодействия между властью и сопротивлением, выступает сам политический режим. Существует несколько подходов к определению того, что из себя представляет политический режим и каковы его особенности. Американский политолог Роберт Даль писал: «...власть А над В есть способность добиться того, чтобы В сделал нечто, чего он никогда не сделал бы без воздействия А» [1, с. 94]. На первый взгляд может показаться, что это понятие может быть взаимозаменяемым относительно политического режима. Однако есть существенное отличие: политический режим, путём использования определённых методов, организует и структурирует власть в масштабах всего человеческого общества, а не просто отдельных элементов. Исходя из этих свойств и особенностей можно сказать, что политический режим — это «совокупность властных структур, значительно контролирующих или задающих способы воспроизводства и функционирования политического сообщества» [2, с. 1621]. Политический процесс, в таком случае, может

определяться как постоянная, непрерывная смена диспозиций, завязанных на соперничестве за власть. За всю историю человечества мир увидел множество форм правления и режимов, которые наделялись универсальными качествами по мере того, как происходила их реализация на конкретной территории и в определённом государстве. В этой связи в отечественной и зарубежной историографии принято выделять три главных политических режима: демократический, авторитарный и тоталитарный.

Сопrotивление и оппозиция, как полноценные политические феномены, имели место быть во всех перечисленных режимах. Необходимо в этой связи уточнить разницу между двумя понятиями, так как она существенно влияет на характер их проявления в том или ином политическом режиме. П. Бромхед отмечает, что в «специальном политическом смысле термин «оппозиция» обычно означает сплоченную группу людей, действующих совместно и способных представить себя электорату в качестве альтернативного правительства с альтернативной политикой» [3, с. 81]. Политическая оппозиция в данной связи является естественным явлением, так как независимо от формы правления и политического режима в государстве невозможно обеспечить удовлетворение потребностей всех категорий граждан ввиду ограниченности ресурсов. Разделяет этот взгляд и российский исследователь А. П. Цыганков, который называет оппозицию политическим институтом, созданным для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализуемых в политике центральной власти [4, с. 98]. Это исчерпывающее определение отражает сущность оппозиции как формы социального конфликта и указывает на её ключевое сходство и различие с легитимной властью. Признание оппозиции естественно формирующимся в политическом разнообразии институтом выражения гражданской позиции означает принятие его в ряд равноправных политических акторов наряду с самим государством. Отличие же её заключается в первооснове, которая всегда будет находиться в антагонистичном положении по отношению к правящей власти.

У сопротивления есть схожие черты с оппозицией, например, антагонизм по отношению к правящей власти. Однако сопротивление можно рассматривать как динамичную форму оппозиции, которая зачастую принимает радикальный и бескомпромиссный характер. Если оппозиция может существовать в политическом дискурсе как естественное явление, то сопротивление представляет собой активные действия, вызванные,

как правило, последствиями решений правящей власти. Первоначальной и главной целью сопротивления является свержение существующего режима. Чего нельзя сказать о оппозиции, которая не просто противостоит правящей элите, но и предполагает продвижение собственной идеологии на место главенствующей. Б. Л. Хавкин отмечал: «Движение Сопротивления — это... проявление активного неприятия агрессивного, террористического, авторитарного или тоталитарного режима, навязывающего обществу и государству идеологию расовой или классовой исключительности...», «...это открытое или тайное, личное или групповое морально-этическое, религиозное, идеологическое, экономическое, политическое, военное противодействие правящей системе, которая воспринимается участниками Сопротивления как преступная» [5, с. 7]. Необходимо отметить, что участие в сопротивлении рассматривается самим политическим режимом, против которого направлено сопротивление, как государственное преступление. Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что взаимоотношения власти и сопротивления носят крайне конфликтогенный характер, который сопровождается радикальными действиями представителей обеих сторон конфликта в отношении друг друга.

Примечательно рассмотрение того, как сопротивление являет себя в демократическом, авторитарном и тоталитарном режимах. Если в первых двух оно хотя бы фигурирует, пусть даже номинально или же в качестве полноценного гражданского института, то «тоталитарная машина обрушивается на общественное тело» [6, с. 157], не оставляя ему шансов на проведение альтернативной политики. При таком режиме власть, зачастую используя такие насильственные методы, как репрессия и пропаганда, пытается пресечь любые риски, связанные с проявлением инакомыслия. Подобная категоричность обусловлена восприятием оппозиции, как «потенциальной угрозы собственной легитимности» [7, с. 261]. В таком случае, сам феномен политического насилия — это «идеологически обусловленная и материально обеспеченная деятельность ... социальных групп ... направленная на применение средств принуждения, с целью завоевания, удержания и использования государственной власти...» [7, с. 261].

Немецкая диктатура и немецкое сопротивление — это два уникальных феномена, зародившихся одновременно в 1933 году с приходом к власти национал-социалистов и до сих пор влияющих на политическое и социальное сознание современной Германии. История и ранее сталкивалась

с диктатурой и вождизмом, однако именно в период гитлеровской Германии произошло тотальное изменение массового сознания, которое превратило государство с великим наследием в почти первобытное общество, руководствующееся животными принципами. Разница лишь в том, что реализация этих принципов была более изощрённой за счёт технологического и экономического развития, а их трансляция проходила через продуманные политические мифы, в которые хотелось верить и которым хотелось следовать. Идеологии, которые вобрали себя ориентации на эти политические мифы, нуждаются в разъяснении с учётом исторического дискурса. В данном контексте имеются ввиду фашизм и национал-социализм. Фашизм, как полноценная идеология, зародился в Италии, в период тяжелейшего экономического и культурного кризиса. Можно рассматривать фашизм как нечто культивирующее зоологическую ненависть против других народов, можно воспринимать его как систему правительства и мысли, вобравшую в себя лучшее от из обломков либеральных, социалистических и демократических доктрин. Однако с конфликтологической точки зрения стоит подходить к этому явлению с учётом социально-исторической подоплёки, обозначающую фашизм как «иррациональную, неадекватную реакцию современного общества на острейшие кризисные процессы, разрушающие устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры» [8, с. 19]. Этот подход используется итальянским философом Умберто Эко, который, выделяя 14 типичных характеристик фашизма, обозначил, что «все разновидности фашизма опирались на фрустрированные средние классы, пострадавшие от какого-либо экономического либо политического кризиса и испытывающие страх перед угрозой со стороны раздраженных низов» [8, с. 21].

Национал-социализм, таким образом, следует воспринимать как образцовый вариант фашизма, раскрывшийся на исторически подготовленной почве. Все насильственные действия во внутренней и внешней политике Третьего Рейха зиждились на системе ложных национальных единств, политических мифах о высшей расе и еврейской угрозе, формирующих «архетипичное мышление немцев для создания национальной идентичности» [8, с. 17]. Национал-социализм — это не столько идеология, сколько реакция на проигранную Германией Первую Мировую войну, побудившая тотальную мобилизацию общества и поиск внутреннего и внешнего врага. Ноябрьская революция 1919 года усилила элитистские настроения в обществе. Они характеризовались:

1) Антилиберализмом, поскольку демократия отождествлялась с плутократией;

2) Взглядом на политическое развитие как результат активности заинтересованных групп и осознанием необходимости контролировать процесс принятия государственных решений посредством взаимодействия с этими группами;

3) Потребностью в приходе харизматического вождя, некоего мессии, который должен будет сплотить народ и исправить положение Германии в мире [9, с. 28].

Именно в этот период на политической арене всё чаще и чаще фигурирует имя Адольфа Гитлера. Именно он стал тем, кто дал военной германской элите и немецкому народу не только основу для национального объединения, но и обоснование, по которому они наделялись монопольным правом вершить судьбу мира всевозможными способами. Основными принципами гитлеризма, активно отражающимися в сущности национал-социализма, можно назвать:

1) Убежденность в историческом предназначении Германии. Она вытекает из «долгой истории германского народа, сурового, жесткого, храброго и мужественного, достойного управлять миром или, во всяком случае, принимать в этом руководящее участие» [10, с. 73];

2) Во главе великого народа должен стоять великий человек. Это подлинный мессия, чей авторитет не вызывает никаких сомнений, он заботлив к своему народу и беспощаден к его врагам;

3) Избирательное отношение к другим народам. Все остальные народы воспринимаются как рабы или полурабы, которые должны быть либо истреблены, либо частично сокращены, и «лишь некоторые нации имеют право претендовать на относительное равенство с немцами» [10, с. 73];

4) Одержимость идеей всемирного заговора. Самый лучший способ сплотить нацию — найти общего врага. В нацистской Германии этими врагами стали евреи. Используя ксенофобские лозунги, идеологи нацизма убеждали общественность в существовании всемирного еврейского заговора. Этот заговор в массовом сознании существовал как вне, так и внутри страны;

5) Качественный популизм. «Индивидуум не имеет прав личности, а народ предстаёт как качество, как монолитное единство, выражающее совокупную волю. Вождь претендует на то, чтобы представлять от всех» [8, с. 22] и др.

Это далеко не все принципы, однако даже их уже достаточно, чтобы понять насильственную сущность национал-социализма. Весь путь становления Адольфа Гитлера как фюрера был и оставался завязан на крайней степени насилия как внутри Германии, так и за её пределами. То, что в будущем будет называться разграблением материальных и духовных ценностей, отрицанием идеи общечеловеческих прав и свобод, преступлениями против человечности, идеологами нацизма преподносилось как проявление естественного отбора, в котором немецкий народ априори занимал выигрышную позицию, как справедливое возмездие, священный долг, возложенный на немцев для сохранения мира во всём мире. Гитлеризм, таким образом, стал «новой» массовой моралью, дающей полную свободу животным инстинктам, в том числе самым порочным и грязным [10, с. 74].

Безусловно, подобное мировоззрение встречалось в истории и раньше, однако ужас гитлеровского режима заключается в том, что в реализации насильственных методик борьбы с инакомыслием и осуществлением тотального контроля использовалась новейшая техника, модернизированная и изобретённая специально для истребления любой потенциальной угрозы. Можно сказать, что контроль за внутривнутриполитической обстановкой осуществлялся по двухступенчатой системе пропаганды и физического насилия. Геббелевская пропаганда, используя политические мифы о Всемирном еврейском заговоре, унижительных условиях Версальского мирного договора, ущемлённые национальные чувства немцев, живущих в Германии, и этнических немцев за пределами Германии [11, с. 222], породила убеждённость немцев в необходимости расширения жизненного пространства, защиты суверенитета государства путём закрепления расового немецкого превосходства на юридическом и даже на биологическом уровнях. Если находились те, кто проявляли сопротивление установленному режиму или ставили под сомнение принципы национал-социализма, они попадали на вторую ступень контроля — лишались свободы, депортировались в концентрационные лагеря или физически устранялись.

Специфика деятельности немецкого сопротивления

Несмотря на насильственную внутреннюю и внешнюю политику, фанатизм и антисемитизм, вселяемый в немецкое население пропагандой

и тайные полиции, охотящиеся на неугодных, в Германии оставались люди, не желающие мириться с правящим режимом и не боящиеся выступить против него. Движение сопротивления зародилось тогда же, когда национал-социалистическая партия пришла к власти 30 января 1933 года. Оно было разносторонним: в него входили представители других партий — коммунисты, либералы, социал-демократы, республиканцы, а также духовенство, пацифисты, евреи и многие другие. Немецкое сопротивление не было единым, то есть, затруднительно говорить о нём, как о сплочённой оппозиции, имеющей поддержку разных слоёв населения или одобрение со стороны народа. Его специфика заключается в том, что оно проявляло себя повсеместно, но больше было похоже на очаги оппозиции, существующие самостоятельно, без прямого взаимодействия друг с другом.

При всём социально-политическом разнообразии немецкой оппозиции по мнению современных историков «реальное военное значение (а Гитлера с конца 30-х годов можно было свергнуть только военными средствами) имело Сопротивление военных, связанных с консервативной политической оппозицией, прежде всего военной элиты Рейха — офицеров Генерального штаба» [12, с. 10]. Именно группы немецких военных, которые структурно также делились на подгруппы по целям и методам, интересны с точки зрения оказания наиболее радикального сопротивления в условиях тоталитарного режима. Не стоит категорично говорить о антифашистской позиции представителей военного и политического крыла сопротивления. Среди них находились и такие, которые желали устранить Гитлера лишь потому, что тот не справлялся со своими обязанностями, а не потому что они считали национал-социализм губительным режимом. Мотивация участников военного крыла немецкого сопротивления интересна своей многосторонностью не только подходом к реализации конечной цели, но и интерпретацией восприятия офицерского долга. Одни полагали, что присяга нерушима, а потому борьба против Гитлера его же военными считается предательством фюрера и собственного народа. Другие полагали, что ввиду того, что Гитлер сам «тысячекратно нарушал данную им присягу» [13, с. 168], военные имеют полное право устранить главную угрозу Германии самыми радикальными способами. Расхождения по этому и другим вопросам делили заговорщиков на отдельные группы, которые находились в постоянном контакте, но часто конфликтовали между собой, ввиду чего их деятельность долгое время оставалась безрезультатной. В конце 1930-х — начале

1940-х годов в Германии сложились основные звенья немецкого военного и политического сопротивления [14, с. 173]:

1) «Клуб среды» под предводительством таких политических деятелей, как Карл Фридрих Гёрделер, Ульрих фон Хассель и Йоханнес Попиц. Он существовал ещё с 1938 года и был реакцией на события «Хрустальной ночи» и «Ночи длинных ножей», принятие Нюрнбергских законов и сомнительный дипломатический авантюризм Гитлера в отношении Чехословакии. Участники этой группы вдохновлялись взглядами Бисмарка на государство и монархическими традициями Гогенцоллернов. Они поддерживали многочисленные контакты с ещё уцелевшей консервативной оппозицией и, пока военные не предлагали никакого плана действий, не предпринимали ничего серьёзного. Рождённые в мире, существовавшем до 1914 года, когда ещё не было тоталитарных режимов, Гёрделер и другие жили верой в иллюзорное правосудие и разум властителей.

2) Кружок «Крейзау» под предводительством молодых аристократов и дипломатов Хельмута Джеймса фон Мольтке, Адама фон Трот цу Зольца и Петера Йорка фон Вартенбурга. Он появился в 1940 году и его главной целью была подготовка здоровой основы режима. Сила проекта «Крейзау» заключалась в представительстве различных направлений, что позволило отразить в нём широкий спектр политических мнений различных слоев общества (некоторые положения в будущем использовались в ФРГ). Участники кружка постоянно пытались организовать переговорный процесс между представителями сопротивления и дипломатами из США, СССР, Великобритании, чтобы после свержения Гитлера мог быть заключён сепаратный мир.

3) Военное крыло, в котором можно выделить таких офицеров как полковник Шенк фон Штауффенберг генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, армейский генерал Бек, дивизионный генерал Ольбрихт, бригадный генерал фон Тресков и другие. Это была самая реакционная группа, которая предпочитала действовать, а не засиживаться на тайных собраниях. Именно немецкие военные организовывали и реализовывали большую часть покушений на фюрера на протяжении всего его правления.

4) Была и четвёртая группа с центром в абвере, но она практически перестала существовать после отставки и ареста своих основателей — Ганса Остера и Ганса фон Донаньи.

Согласно разным источникам, на фюрера Третьего Рейха Адольфа Гитлера за всё его нахождение у власти было совершено от 42 до 50 покушений [12,

с. 5]. Большая часть из этих покушений принадлежит представителям военного крыла немецкого сопротивления. Необходимо обозначить, что приход к осознанию необходимости физического устранения Гитлера у военных произошёл не сразу. Более того, некоторые, несмотря на плачевное положение страны, продолжали настаивать на менее радикальных методах, ссылаясь на обязательства перед присягой, страх развязки Гражданской войны, религиозные соображения и прочее.

Первые попытки свергнуть диктатора носили умеренный характер. В 1938-м подполковник Вермахта Ганс Остер, генерал-полковник Людвиг Бек и их соратники подготовили план по свержению Гитлера и отстранению его от аппарата нацистской партии [15, с. 23]. Целью заговорщиков было устранение Гитлера и национал-социалистической партии, с последующим установлением монархии и возвращением кайзера Вильгельма II. Уже в те года, ещё до ошеломительных побед во Франции и Польше, некоторые офицеры отмечали неспособность фюрера разумно вести внешнюю политику. Остер и товарищи опасались, что фюрер втянет Германию в войну с Чехословакией, к ведению которой страна не была готова. Потому было принято решение отстранить Гитлера от власти и арестовать членов национал-социалистической партии. В те года военные всё ещё верили в возможность изменения политического режима ненасильственными методами. Заговор не удался, так как между Третьим Рейхом, Великобританией, Францией и Италией был заключён Мюнхенский сговор, позволивший Германии беспрепятственно вторгнуться на территорию Чехословакии. Данное событие сделало Гитлера героем нации, ввиду чего военным не стоило ожидать поддержки от немецкого народа.

Некоторое время было затишье, однако после нападения Германии на Советский Союз и появления в рядах заговорщиков молодого и талантливого офицера Хеннинга фон Трескова, немецкое сопротивление сильно радикализировалось. Хеннинг был одним из первых, кто не боялся открыто говорить о необходимости физического устранения Гитлера. Используя свои связи и внушительные ораторские навыки, он не только способствовал расширению круга заговорщиков, но и старался привлечь на сторону сопротивления влиятельную верхушку немецкого генералитета. Рискуя быть раскрытым, он беседовал с такими военными деятелями, как Клюге, Манштейн, Гудериан, Рундштет, фон Бок. Причины, по которым генералы отказывались принимать активное участие в устранении Гитлера, были

разными, однако зачастую всё сводилось к одному известному человеческому фактору, который красноречиво отражает поведение того же фон Бока, который выбежал с закрытыми ушами из комнаты, когда Тресков заговорил о заговоре [16, с. 48]. Когда Хеннинг осознал, что генералы слишком нерешительны и мягкотелы для радикальных действий, он взял инициативу в свои руки. Начиная с 1941 года [8, с. 179] он непрерывно старался организовывать покушения. Ввиду того, что большую часть времени он проводил на Восточном фронте, многие попытки свергнуть диктатора носили ситуативный характер. В основном фюрера пытались нейтрализовать во время его посещений армейских частей, а также на торжественных мероприятиях, совещаниях или же осмотрах трофейного вооружения.

Например, 13 марта 1943 года, когда Гитлер посещал командующего группы армий центр генерал-фельдмаршала фон Клюге в Смоленске, Тресков и ещё шестеро офицеров во главе с ротмистром бароном фон Бёзелгером планировали расстрелять его за обеденной трапезой [17, с. 9]. Однако Клюге запретил проводить данную акцию, боясь начала гражданской войны. Тогда Тресков и его адъютант Фабиан фон Шлабрендорф через Брандта пронесли в самолёт Гитлера взрывчатку, замаскированную под упаковку ликёра. Предполагалось, что во время детонации самолёт с фюрером должен будет находиться в воздухе и взорваться, тем самым инициировав «несчастный случай». Такая смерть фюрера не повлекла бы за собой волнения в армии, которые могли бы возникнуть, если бы Гитлера убили его же военные. Как и другие покушения, эта попытка оказалась неудачной. Диктатор вновь чудом выжил. Отчаянное положение дел привело к пику радикализации деятельности сопротивления — начали появляться офицеры-смертники, которые были готовы пожертвовать собой, чтобы наверняка добраться до фюрера. Все планы сводились к тому, что они должны были пронести с собой взрывчатое устройство и подорвать себя максимально близко к диктатору. Добровольцами стали такие немецкие офицеры как полковник фон Герсдорфф, майор фон дем Буше, Эвальд Генрих фон Клейст. Они стали свидетелями жестокой деятельности СС на оккупированных территориях и не могли мириться с раскрывшейся сущностью национал-социализма [18, с. 85]. Однако и этим людям не удалось проявить себя: Гитлер, животным нутром предчувствуя опасность, «всё реже и реже покидал свою ставку» [13, с. 124]. К концу 1943 года он практически перестал выезжать на армейские приёмы и стал проводить закрытые собрания, на которые

допускались только высокопоставленные лица Третьего Рейха. В том же году среди заговорщиков начались первые чистки: были арестованы Остер, Донаньи и Бонхёффер, вследствие чего группа заговорщиков с центром ваввере была уничтожена [19, с. 147].

Казалось, что немецкое военное сопротивление начало терять силу и какие-либо перспективы на выживание. Положение Трескова было плачевным: он продолжал служить на Восточном фронте и не имел доступа к фюреру, остальные заговорщики либо занимались теорией, обсуждая будущее Германии без Гитлера, либо слишком опасались действовать открыто. Сопротивление вновь ожило, когда выяснилось, что генерал Фридрих Ольбрихт — опытный заговорщик, занимающий пост начальника Общевоинского управления ОКХ в Берлине, соратник Донаньи и Остера — не только пережил волну арестов, но сам связался с Тресковым и сообщил, что план заговора почти готов. Более того, он нашёл молодого и перспективного офицера, который собственноручно готов нейтрализовать фюрера. Этим офицером был граф Клаус Шенк фон Штауффенберг — выходец из аристократичной фамилии, крайне деятельный военный и, что главное, на момент заговора уже носивший чин полковника, что позволяло ему ездить на совещания к Гитлеру. «Ведомство Ольбрихта ... отныне стало центром технической подготовки к перевороту» [18, с. 181]. Таким образом, центр заговора переместился в самое сердце Третьего Рейха — в Берлин, на улицу Бендлерштрассе 11-13, на которой находилось Верховное командование сухопутных войск. Практически все работники Бендлерблока были вовлечены в заговор, начиная от простых сотрудников и заканчивая высшими чинами Вермахта. Сомнению подвергался только генерал-полковник Фридрих Фромм, который занимал главенствующее положение командующего армией резерва. Он, как и Клюге, знал о существовании заговора в стенах собственного управления, но активно помогать или же пресекать деятельность сопротивления не спешил. Он был карьеристом, понимавшим, что война рано или поздно будет проиграна, поэтому справедливо сказать, что он хотел занять сторону «победителя».

Заговорщики во главе с Ольбрихтом и Штауффенбергом понимали необходимость участия в заговоре именно Фромма, так как только он, как начальник, имел право отдать приказ о начале операции «Валькирия» — того самого плана, о котором Ольбрихт говорил Трескову ещё в 1943 году. По ироничному стечению обстоятельств именно Гитлер в декабре 1942 года

поручил АХА подготовить план на случай беспорядков внутри страны [14, с. 186]. Фюрер опасался, что из-за огромного количества военнопленных, заключенных концентрационных лагерей, а также не вызывающих доверия силовых структур СС могут начаться восстания, бунты и путчи. План предполагал мгновенную мобилизацию резервной армии в случае волнений, захват ею власти в Берлине и способствование восстановлению общественного порядка. Ольбрихт сразу же понял выгоды этого плана для заговорщиков, потому что в случае его осуществления захват власти Вермахтом был легитимизован и не воспринимался как государственный переворот. Это означало избежание не только гражданской войны, но и привлечение на свою сторону многих высокопоставленных генералов, которые, в связи с планом, обязались подчиняться приказам нового правительства. «“План «Валькирия”... сосредоточит все доступные силы армии резерва в Берлине и других основных центрах» [20, с. 110], чтобы эти силы успели арестовать силовые структуры СС и гестапо до того, как они успеют среагировать. Эту операцию предполагалось провести одновременно в Германии, Франции и Австрии.

Сложность была лишь в том, что необходимым условием для начала операции было физическое устранение фюрера. Штауффенберг взял на себя ответственность за реализацию покушения: ему требовалось посетить «Волчье логово», ставку Гитлера в Восточной Пруссии, и подложить на совещание бомбу так, чтобы взрывная волна гарантировано могла нейтрализовать не только диктатора, но и его ближайшее окружение. Первоначально покушение планировалось осуществить 15 июля 1944 года, однако заговорщикам не хватило своевременной координации действий. Обнаружив, что на совещании нет Генриха Гимmlера, которого заговорщики хотели убить вместе с Гитлером, Штауффенберг доложил об этом в штаб и слишком долго ждал распоряжений. Не успев активировать бомбу, Штауффенберг летел в Берлин с мыслью, что его предали и подставили: «его выводила из себя генеральская трусость» [14, с. 233]. В итоге, все заговорщики пришли к выводу, что следующее покушение будет последним. У них не было выбора: союзники уже открыли второй фронт и активно вели бои в Нормандии. Все понимали, что, если вовремя не устранить фюрера, даже в случае удачи никто из воюющих стран не пойдёт на переговоры о сепаратном мире. Зачем переговариваться, когда можно просто победить и лишит Германия права выбора? По этой причине, когда Штауффенберга вновь вызвали на совещание в «Волчье логово» 20 июля, все понимали, что это будет последний

шанс немецкого военного сопротивления изменить ход войны и будущее немецкой государственности. Тон одного из последних писем полковнику Штауффенбергу генерала Трескова красноречиво отражает отчаянное положение дел заговорщиков: «Убийство должно произойти любой ценой. Даже если покушение провалится, следует попытаться захватить власть в столице. Мы обязаны доказать миру и грядущим поколениям, что люди в немецком движении Сопротивления не боялись предпринимать решающие шаги и рисковать ради этого своими жизнями...» [20, с. 96].

20 июля 1944 года — не тщательное спланированное покушение, а отчаянная мера, последняя попытка, предсмертная агония немецких военных предпринять хоть какие-то действия против национал-социалистического режима и Гитлера в частности. В этот день Штауффенбергу удалось взорвать бомбу, однако из-за необъяснимой череды случайностей фюрер выжил и лишь слегка оказался задет ударной волной. Последующие события обернулись для немецкого военного сопротивления самым трагичным образом: несмотря на активацию плана «Валькирия», многие командиры отказывались следовать приказам. Пока из ставки радировали о том, что фюрер жив, из Бендлерштрассе поступало неутешительное «фюрер мёртв». Заговорщикам удалось в первые несколько часов после взрыва держать инициативу в своих руках: были захвачены несколько округов Берлина, арестовано более тысячи солдат СС в одной только Франции [14, с. 16]. Однако ближе к вечеру гестапо окончательно установила связь между взрывом в «Волчьем логове» и планом «Валькирия» в Бендлерблоке, вследствие чего в ночь с 20 на 21 июля попытка переворота была пресечена, здание Верховного командования сухопутных войск взято под стражу, а все находящиеся внутри участники заговора схвачены. На месте были расстреляны полковник фон Штауффенберг, его адъютант Вернер фон Хафтен, генерал Фридрих Ольбрихт и полковник Мерц фон Квирнхайм. Генералы Людвиг Бек, Хенинг фон Тресков и ещё ряд офицеров покончили с собой до того, как их успели схватить служащие гестапо. «Я уничтожу... всех преступников, которые осмелились противопоставить себя Провидению и мне. Эти предатели собственного народа заслуживают страшной смерти, и они её получают» [20, с. 135]. Таковы были слова Гитлера после того, как ему доложили о попытке государственного переворота. Кровавый режим самым радикальным и бесчеловечным образом принялся истреблять единственный оставшийся оплот немецкой оппозиции и сопротивления. В общей сложности в связи

с заговором 20 июля 1944 года «были казнены, доведены до самоубийства, брошены в тюрьмы около 600–800 человек» [12, с. 148]. Репрессиям подверглись также родственники, семьи и дети заговорщиков.

По сей день историки пытаются ответить на вопрос о том, что подвигло немецких военных действовать против собственного фюрера? Ведь каждый из них осознавал тяжесть последствий в случае неудачи. В попытке ответить найти ответы на этот вопрос отчётливо выявляются причины, которые привели к заговору 20 июля, и даже раскрывается мотивация некоторых его участников.

Во-первых, с приходом Гитлера к власти началась активная политизация армии. Реакция на попытку объединить армию и власть у военных была неоднозначная. Красноречив эпизод со Штауффенбергом, который отказался носить отличительные знаки партии на своём обмундировании: «Он хотел быть солдатом Великой Германии, а не солдатом партии» [14, с. 103].

Во-вторых, неграмотная внутренняя политика, а именно события «Хрустальной ночи» и чистки немецкого генералитета в лице фон Бломберга и фон Фрича — именитых и уважаемых в кругу офицеров военачальников [18, с. 60]. Их дела были фальсифицированы, так как они не одобряли планы фюрера в отношении Чехословакии.

В-третьих, внешняя политика Гитлера. Риск ввязать Германию в новую войну побудил генерала Бека выступить с меморандумом, содержание которого отражало его антифашистскую позицию. Людвиг фон Бек не испытывал мук совести, так как в традициях пруссачества следовал принципу «военные знают лучше»: «На карту поставлен вопрос о существовании нации. ... Солдатское повиновение имеет свои границы там, где их знания, их совесть и их чувство ответственности запрещают им выполнять приказ. Если к их советам... не прислушиваются... тогда они имеют право и обязаны перед народом и историей уйти со своих постов» [21, с. 109]. Даже уйдя в отставку, Бек продолжал бороться против агрессивной политики Гитлера, чем вдохновил одного из своих подопечных — Хеннинга фон Трескова. Когда до него, как до кадрового военного на Восточном фронте, стали доходить слухи о зверствах на оккупированных территориях, он открыто призывал фельдмаршалов противодействовать приказам. По мнению профессора Б. Л. Хавкина, окончательное решение в радикальной борьбе против режима было принято Тресковым в конце октября 1941 года, когда тот узнал о жестокой расправе над жителями города Борисова [8, с. 179]. Отбросив

прусскую мораль, он обратился к логике: раз Гитлер сам тысячекратно нарушил присягу, то принесённая ему присяга не имеет больше силы.

Примечательны и религиозные обоснования противодействия тирану. Примером такого духовного преодоления может служить Фридрих Ольбрихт. Он «был глубоко религиозным человеком и, благодаря вере, убеждённым противником нацизма» [20, с. 59]. Подобно Трескову, он не принимал оккупационную политику фюрера. Штауффенберг смог объединить религиозную мораль Ольбрихта и политический разум Трескова в обосновании убийства фюрера. Опираясь на принципы «праведной войны» Фомы Аквинского, он вывел для себя следующую формулу: раз тиран преследует свои интересы, а не интересы народа, значит, при таком режиме не существует общественного порядка. Следовательно, «не было ничего мятежного в том, чтобы свергнуть подобный режим» [14, с. 153]. Действительно, к 1942 году Гитлер перестал ставить перед армией реальные цели, что неизбежно вело к краху Германии.

Произошло разочарование в Гитлере как военачальнике. С политизацией армии наблюдалось упрощение военной профессии, отмирание аристократической этики офицерского корпуса, потеря чести оружия. Военно-стратегические решения Гитлера приводили генералитет в недоумение. Например, фюрер почти не выделял средства на оснащение войск на Восточном фронте вопреки ужасам, через которые приходилось проходить обычным солдатам. Гитлер игнорировал реальное положение дел на фронте, что приводило к дезорганизации войск. Это безразличие было вызвано не столько неопытностью, сколько нежеланием фюрера слышать об ухудшениях. Признать их — означало бы расписаться в собственной некомпетентности и тем самым подтвердить правильность намерений заговорщиков. Немаловажными факторами, побудившие немецкое сопротивление действовать радикально и неотлагательно, стали военные поражения на Западных и Восточных фронтах, высадка союзнических войск Антигитлеровской коалиции в Нормандии, а также волны преследований, которые начались после первых арестов заговорщиков в 1943 году.

Заключение

Как, в конечном итоге, можно охарактеризовать взаимоотношения и деятельность гитлеровского режима и немецкого сопротивления

в историческом дискурсе? Если мы рассматриваем диктатуру, проявившую себя в Германии в период с 1933 по 1945 год, её невозможно исследовать в отдельности от возникшей тогда оппозиции, так как оба этих политических феномена оказывали друг на друга воздействие и находились во взаимозависимом положении. Национал-социализм, как идеологическая подоплёка гитлеровской диктатуры, представляла собой систему ложных национальных единств и политических мифов о высшей расе и еврейской угрозе. Цель создания столь экстремисткой идеологии заключалась в желании фюрера убедить немецкий народ в его исключительности и вытекающими из неё правами на мировое господство. Любая попытка усомниться в фюрере и его политических курсах приравнялась к посягательству на благополучие Германии. Реализация насильственных методик борьбы с оппозицией осуществлялась через пропагандистскую деятельность и силовые структуры. Несмотря на активную борьбу с инакомыслием, кровавому режиму не удалось пресечь деятельность немецкого сопротивления. Оно было разнообразным, однако наиболее реальное политическое значение имело сопротивление военной элиты Рейха, связанной с консервативной политической оппозицией.

Если в начале правления почти все немцы верили обещаниям диктатора о возвращении германской чести, то к концу войны стало ясно, что Гитлер не только обманул собственный народ, но и сам тысячекратно нарушил присягу, данную Германии. Следовательно, для многих военных не было ничего зазорного в том, чтобы использовать против фюрера насильственные методы. Подобное отношение стало следствием насильственной политики самого Гитлера, направленной как на мирных жителей, так и на собственных солдат. Возможность думать о физическом устранении Адольфа Гитлера собственным народом является не актом предательства Германии, а неминуемой закономерностью и стихийной реакцией на жестокость тоталитарного политического режима, апогей которых был достигнут в самую судьбоносную дату для всего немецкого сопротивления — 20 июля 1944 года.

В этом году исполнится ровно 80 лет со дня, когда Вторая Мировая война могла приобрести совсем иной оборот. 20 июля 1944 года по сей день вызывает интерес и оживлённые споры в научном сообществе, ровно как и само понятие немецкого сопротивления с его участниками. До сих пор учёные не могут найти ответы на вопросы о том, каковы были мотивы

заговорщиков, действительно ли что-то изменилось, если бы заговор удался, как диктатору удалось выжить, являются ли Штауффенберг, Тресков и другие предателями или же героями Германии. Все сведения, которые имеются на данный момент, не позволяют ответить категорично ни на один из этих вопросов. Однако несмотря на размытость воспоминаний очевидцев, противоречивость свидетельств, известный феномен «переписывания» истории, неоспоримым является факт борьбы против режима, иными словами, наличия не только разговоров, но и конкретных действий. За эти действия участники немецкого сопротивления заплатились собственными жизнями, а гитлеровский режим постарался сделать всё, чтобы придать их фамилии забвению и позору. Историческая справедливость настигла этот режим 8 мая 1945 года, словно подтверждая слова немецкого юриста и участника сопротивления Хельмута Джеймса фон Мольтке: «национал-социализм как яд, существовавший не только в Германии, но ... в глубине человеческих душ. ... единственный способ избавиться от этого яда — дать возможность нацизму изжить себя». [20, с. 79]

Список литературы / References

- [1] Комоцкий Б.О. Мишель Крозье как политолог // Социально-политические науки, 1990, № 9.
Komotsky B.O. “Michel Crozier as a political scientist”, *Socio-political science*, 1990, no. 9, (In Russ.)
- [2] Советкина А.С., Калашникова Е.Б. Политический режим: понятие и сущность // Форум молодых учёных. 2017, № 6 (10).
Sovetkina A.S., Kalashnikova E.B. “Political regime: concept and essence”, *Forum of Young Scientists*, 2017, No. 6 (10). (In Russ.)
- [3] Митрохин В.А., Бигазилова С.С. Теоретико-методологические аспекты изучения понятия политической оппозиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология, 2010. Вып. 4. С. 80–83.
Mitrokhin V.A., Bigazieva S.S. “Theoretical and methodological aspects of the study of the concept of political opposition”, *Izvestia Saratov University. New series. Ser.: Sociology. Political Science*, 2010. Iss. 4: 80–83. (In Russ.)
- [4] Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: (учебное пособие). М.: Интерпракс, 2005.
Tsygankov A.P. *Modern political regimes: structure, typology, dynamics (text-book)*. Moscow, Interprax, 2005. (In Russ.)

- [5] Граф Карл-Ханс фон Харденберг. Одна из судеб немецкого Сопротивления. М.: РОССПЭН, 2007.
Graf Karl-Hans von Hardenberg. *One of the Fates of the German Resistance*. Moscow, ROSSPEN, 2007. (In Russ.)
- [6] Скиперских А.В. Власть и сопротивление: соотношение в политическом процессе // Научные ведомости, 2015. Вып. 33, № 1 (198).
Skiperskih A.V. “Authority and resistance: correlation in the political process”, *Nauchnye vedomosti*, 2015, Issue 33, no. 1 (198). (In Russ.)
- [7] Мьякинченко Д.А. Политическое насилие как механизм функционирования политической власти. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2012, № 2.
Myakinchenko D. A. “Political violence as a mechanism of functioning of political power. State and municipal management”, *Scientific notes of SCAGS*, 2012, no. 2. (In Russ.)
- [8] Хавкин Б.Л. Нацизм. Третий Рейх. Сопротивление. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2023.
Navkin B.L. *Nazism. The Third Reich. Resistance*. Moscow, KMC Scientific Publ., 2023. (In Russ.)
- [9] Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб.: Алетейя, 2013.
Kutarev O.Yu. *German elites in the era of the formation of Nazism*. St. Petersburg, Aleteya, 2013. (In Russ.)
- [10] Антонян Ю.М. Гитлеризм и германский народ: монография. М.: РГ-Пресс, 2023.
Antonyan Yu.M. *Hitlerism and the German people: a monograph*. Moscow, RG-Press, 2023. (In Russ.)
- [11] Пленков О.Ю. Государство и общество в Третьем рейхе: реальность диктатуры. СПб.: Владимир Даль, 2017.
Plenkov O.Yu. *State and society in the Third Reich: the reality of dictatorship*. St. Petersburg, Vladimir Dahl, 2017. (In Russ.)
- [12] Хавкин Б.Л. Заговор. Немцы против Гитлера. СПб.: Нестор-История, 2024.
Navkin B.L. *Conspiracy. Germans against Hitler*. St. Petersburg, Nestor-History, 2024. (In Russ.)
- [13] Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М.: Прогресс, 1976.
Finker K. *Conspiracy 20 July 1944. The Case of Colonel Stauffenberg*. Moscow, Progress, 1976. (In Russ.)
- [14] Тьерно Ж.-Л. Штауффенберг. Герой операции «Валькирия». М.: Этерна, 2012.
Thieriot J.-L. *Stauffenberg. Hero of Operation ‘Valkyrie’*. Moscow, Eterna, 2012. (In Russ.)

- [15] Мильштейн М.А. Заговор против Гитлера. М.: Воениздат, 1962.
Milstein M.A. *Conspiracy against Hitler*. Moscow, Voenizdat, 1962. (In Russ.)
- [16] Schlabrendorff F. *Offiziere gegen Hitler*. Hamburg, Fischer Bucherei, 1960.
(In Deutch)
- [17] Книбе Т. Операция «Валькирия». М.: АСТ; Астрель, 2009.
Knibe T. *Operation "Valkyrie"*. Moscow, AST; Astrel, 2009. (In Russ.)
- [18] Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М.: Международные отношения, 1965.
Melnikov D.E. *Conspiracy of 20 July 1944 in Germany*. Moscow, International Relations, 1965. (In Russ.)
- [19] Бартц К. Трагедия абвера. Немецкая военная разведка во Второй мировой войне. 1935–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
Bartz K. *The Tragedy of the Abwehr. German Military Intelligence in the Second World War. 1935–1945*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2010. (In Russ.)
- [20] Мэнвелл Р., Френкель Г. Июльский заговор. История неудавшегося покушения на жизнь Гитлера. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
Manwell R., Fraenkel G. *The July Conspiracy. The Story of the Failed Attempt on Hitler's Life*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2007. (In Russ.)
- [21] Ферстер В. Противостояние фюреру. Трагедия руководителя немецкого Генштаба. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008.
Ferster V. *Opposition to the Führer. Tragedy of the Head of the German General Staff*. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 2008. (In Russ.)